

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ И
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА****ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, РОССИИ,
УКРАИНЫ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Сергей ТОЛСТОВ

*ведущий научный сотрудник
Института мировой экономики и международных отношений
Национальной академии наук Украины
(Киев, Украина)*

В последние годы вопросы энергетического транзита и долгосрочного обеспечения поставок энергоресурсов приобрели значительный вес в системе международных отношений. Причины такой активизации интереса очевидны: острота энергетических проблем обусловлена как высоким уровнем энергопотребления развитых экономик стран Европы и Северной Америки, так и становящейся все более серьезной угрозой дефицита нефти, природного газа, а в перспективе и угля — невозобновляемых источников энергии.

Взаимоотношения государств, касающиеся международной безопасности (особенно — в военной сфере), относятся, как правило, к наиболее структурированным.

Однако, когда речь идет об энергетической безопасности стран Европы, развернувшаяся дискуссия демонстрирует чуть ли не классическое проявление «нерезультируемой» суммы государственных и частнокорпоративных эгоизмов, не позволяющее уравновесить разнохарактерные интересы сторон.

Потенциальные угрозы нарушения стабильности энергоснабжения и возникновения дефицита в этой области в целом обуславливают изменения в поведении отдельных участников системы поставок и распределения ресурсов. При этом формат результативных договоренностей в системе поставок и транзита имеет в европейском контексте преимущественно двусто-

ронный характер, сводится к соглашениям и контрактам между структурами ЕС, европейскими энергораспределительными концернами, а также компаниями-поставщиками, среди которых лидирует российский «Газпром».

Сложное и противоречивое позиционирование участников многостороннего диалога подчас уводит в сторону от реального содержания проблемы европейской энергетической безопасности, осложняя принятие долгосрочных и взаимоприемлемых решений. Предложение новых норм, определяющих обязательное и все более строго регламентируемое соблюдение правил диверсификации и «свободного рынка» в торговле нефтью и газом, лишь усиливает столкновение политических интересов. При наиболее неблагоприятном стечении обстоятельств проблема энергопоставок может стать сферой острой конкуренции ради получения краткосрочной экономической или политической выгоды. При этом факторы, обуслов-

ленные политическими интересами, далеко не всегда обеспечивают наибольшие финансовые доходы.

В европейском контексте основным содержательным вопросом полемики продолжает оставаться определение совместности долговременных энергетических стратегий ЕС и России. Что касается стран Центральной Азии и Украины, то они играют в европейском энергетическом балансе важную, но относительно автономную роль. Вместе с тем привязка проблем энергетической безопасности к властно-силовому контексту международных отношений демонстрирует намерения других международных политических и экономических акторов расширить свое присутствие в системе европейской торговли нефтью и газом. В этом плане показательно стремление Соединенных Штатов добиться участия в соглашениях и договоренностях, обеспечивающих торговые потоки и маршруты энергетического транзита.

Различие энергетических стратегий

Нет ничего удивительного в том, что стратегические подходы США, ЕС и России не совпадают, поскольку представляют различные по своему характеру интересы. В отличие от европейских государств, в период после Второй мировой войны энергетическая стратегия США приобрела ярко выраженный глобальный характер и ориентировалась в первую очередь на обеспечение контроля над энергетическими запасами Персидского залива и Карибского моря. Однако новейшие прогнозы, касающиеся глобального энергетического дефицита, побуждают американские энергетические компании переводить в практическую плоскость казавшиеся до сих пор фантастическими такие проекты, как организация поставок газа из стран Южной Америки, Северной Африки и с Баренцева моря. Повышенное внимание уделяется масштабным внутренним и международным газовым проектам, включая разработку глубоководных месторождений на континентальном шельфе, строительство трубопроводов на Аляске и в дельте реки Маккензи (Канада). Планируется сооружение портовых терминалов для загрузки импортного сжиженного природного газа, доля использования которого будет увеличиваться.

Ожидается дальнейший рост зависимости США от импорта нефти¹. По мнению американских правительственных экспертов, стратегической задачей Вашингтона ос-

¹ См.: EIA Releases Annual Energy Outlook 2006 Full Report [<http://www.eia.doe.gov/neic/press/press267.html>], 9 October 2006.

тается поддержание стабильности энергетических рынков с учетом их долгосрочной перспективы, а также комплексное обеспечение их управляемости, безопасности, надежности и поддержания собственного контроля над ними. В этом смысле особо важен гарантированный доступ к постоянно растущим поставкам природного газа, призванным в ближайшие 30 лет обеспечить основную часть ожидаемого прироста потребления энергии.

Разумеется, пока для непосредственных интересов энергетического снабжения США главную роль играют запасы государств Ближнего Востока. Каспий в этом смысле не представляет существенной альтернативы арабским нефти и газу, даже с учетом сравнительно большей политической стабильности в странах данного региона. По оценкам правительства США (2004 г.), потенциальные ресурсы Каспия составляют примерно 186 млрд баррелей нефти (при 32 млрд подтвержденных запасов); наряду с этим лишь подтвержденные резервы нефти Персидского залива равны 674 млрд баррелей. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении ресурсов газа. Суммарные (подтвержденные и потенциальные) запасы голубого топлива Казахстана, России, Азербайджана, Туркменистана и Ирана в бассейне Каспия оценивались в 15,848 трлн куб. м, тогда как лишь подтвержденные резервы стран Персидского залива составляли 54,420 трлн куб. м².

В оценках российских экспертов доминирует представление о том, что энергетическое значение Каспийского региона сильно преувеличено и основным стимулом интереса к нему США является его военно-политическое значение. Тем не менее сразу же после распада СССР американские энергетические компании проявили повышенное внимание к каспийским нефтяным и газовым запасам как к новому перспективному источнику энергопоставок. Еще в то время, когда европейские деловые и политические круги испытывали относительно слабый интерес к странам Кавказа и Центральной Азии, проект нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан получил прямую поддержку администрации Б. Клинтона. США проводят многоцелевой политический курс, открывающий — с помощью экономического и политического присутствия — широкие возможности многопланового стратегического контроля в Центральной Азии. Экономическое, политическое, а с 2001 года и военное присутствие в этом регионе обеспечивают дополнительные факторы влияния на страны Персидского залива, включая Ирак, Иран и Саудовскую Аравию. Для США открываются новые перспективы влияния на политику России и региональных государств, которое (среди прочего) обеспечивается участием американских компаний в добыче и транспортировке нефти и газа. Помимо перечисленных возможностей расширение присутствия Белого дома в Каспийском бассейне означает осуществимость непосредственного влияния на поставки нефти и газа в страны Европейского союза, а также участие в них.

Поскольку речь идет о регионе, сопредельном с Россией, Китаем и Индией, прогнозируемая конкуренция за доступ к его энергетическим ресурсам приобретает четырехсторонний или даже пятисторонний характер. В начале 1990-х годов высказывались мнения по поводу того, что рано или поздно Центральная Азия станет зоной «соперничающего влияния» Турции и РФ.

Сегодня реальная ситуация в ЦА представляется более сложной, отражая хрупкий баланс интересов и влияния России и Китая, пришедших к консенсусу в противодействии проникновению США. В плане диверсификации внешнеполитических задач Соединенные Штаты ориентируются на активное присутствие в Грузии и Азербайджане, а также делают ставку на Казахстан как государство, способное поддерживать стабильность в Центральной Азии. РК постепенно переориентируется на заполнение нефтью

² См.: EIA Annual Energy Review 2004 [<http://www.eia.doe.gov/aer/>], 9 October 2006.

трубопроводов, контролируемых американскими компаниями. Соответственно, такие страны, как Армения, Туркменистан и Узбекистан, оказываются в значительной мере изолированными, что способствует сокращению их возможностей активного взаимодействия с Россией.

Со стороны государств ЕС прослеживается тенденция к разделению стран Кавказа и Центральной Азии (по крайней мере географически). В европейской стратегии безопасности «Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше» упоминается о необходимости «проявлять теперь более значительный и активный интерес к проблемам Южного Кавказа, который скоро станет граничащим с нами регионом»³.

С позиций НАТО бассейн Черного моря рассматривается также как часть Европы и восточное окончание Средиземноморья. Что касается ЕС как интегрированного межгосударственного союза, то его руководящие структуры до сих пор не смогли определить сколько-нибудь ясную стратегическую линию в отношении Южного Кавказа и Центральной Азии. Во многом это может показаться странным, поскольку каспийский регион объективно имел неплохие перспективы экономической ассоциации с ЕС.

Разработки и прогнозы, касающиеся европейской энергетической стратегии на ближайшие 20 лет, предусматривают серьезное обострение конкуренции за доступ к энергетическим, особенно к невосполняемым ресурсам (уголь, нефть и газ). Высказывались предположения, что к 2020 году мировые потребности в энергии возрастут по сравнению с уровнем потребления 1995 года на 65% (в том числе спрос на невозобновляемые энерго-ресурсы на 95%). При этом в мировом энергообеспечении существенно возрастет доля «политически нестабильной» ближневосточной нефти. Согласно прогнозам, в 2010—2020 годах доля нефти Ближнего Востока увеличится в мировом потреблении невосполняемых энергоносителей с нынешних 30% до 60%; а в балансе потребления стран Западной Европы в 2020 году доля импортируемой нефти может возрасти с 53% до 85%, природного газа — с 35% до 60%⁴.

Соотношение между потребностями в энергоснабжении и импортом энергосырья в Европе в целом (включая Норвегию, Россию и Азербайджан) выглядит значительно хуже, чем в США, Канаде и Мексике (странах-членах НАФТА). В 1995 году европейские государства в целом импортировали 16,3% всего потребляемого ими объема ископаемых энергоносителей по сравнению с 10%-м уровнем импорта для стран, входящих в НАФТА. В начале нынешнего десятилетия импортируемые энергоносители обеспечивали примерно 50% потребляемой ЕС энергии. К 2030 году их доля, как ожидается, может возрасти до 70%⁵.

Памятуя о мировых энергетических кризисах, вызванных напряженностью на Ближнем и Среднем Востоке, европейские политики и эксперты сознательно ориентировались на более тесную интеграцию России в европейскую систему энергоснабжения. Учитывались как предыдущий достаточно «спокойный» и благоприятный опыт экономического сотрудничества с СССР, так и оценки политических и экономических процессов в РФ. По сравнению с большинством стран ОПЕК, до последнего времени Россия представлялась более предсказуемым и надежным партнером, способным компенсировать потенциальные перебои в поставках из государств Персидского залива и Северной Африки.

Оценка ситуации начала меняться в 2004—2005 годах. Рост цен на нефть (особенно после войны 2003 г. в Ираке) нанес сильный удар по европейской экономике и в то же

³ A Secure Europe in a Better World — The European Security Strategy. Approved by the European Council held in Brussels on 12 December 2003 and drafted under the responsibilities of the EU High Representative Javier Solana. Brussels, 2003.

⁴ См.: Basis of an Energy Strategy for Europe // Council of Europe, Parliamentary Assembly. Committee on Science and Technology. Doc. 8653, 21 February 2000. P. 1—2.

⁵ Ibid. P. 2—3.

время принес выгоду крупным американским энергетическим компаниям. За ростом цен на нефть последовало «симметричное» повышение цен на газ. В этом смысле российская «верхушка» с удовольствием приняла правила игры, предложенные администрацией Дж. Буша. Заинтересованность в росте цен на энергоносители оказалась обоюдно и принесла России ощутимые выгоды. Рост экспортных поступлений позволил Москве погасить часть внешнего долга, обусловил более активную политику «Газпрома» и других российских компаний в странах ЕС.

В декабре 2005 года президент России В. Путин сделал заявление о превращении РФ в энергетическую сверхдержаву, намеренную играть роль «глобального энергетического лидера» и гаранта энергетической безопасности Европы и Северной Америки. В. Путин декларировал приоритет развития топливно-энергетического комплекса с преимущественной ориентацией на экспортные поставки. На фоне назревавшей в конце 2005 года «газовой войны» с Украиной Запад воспринял это заявление как угрозу экономического давления со стороны России, причем тональность критических заявлений была задана американскими СМИ, готовившими общественное мнение к необходимости противодействовать энергетическому диктату со стороны Кремля.

Последовавшие события представляли собой весьма любопытный эпизод международных отношений, заслуживающий более тщательного анализа. В этом смысле украинско-российский «газовый конфликт» — как симптом локальной «энергетической войны» — стал проявлением тенденций к жесткой энергетической конкуренции и, возможно, знаменовал наступление новой фазы в межгосударственных отношениях. Однако и в этой истории все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд.

Украинско-российский «газовый конфликт»

В украинской политике, впрочем, как и в европейской, вопросы энергетической безопасности рассматривались преимущественно в политизированном ключе. Из серьезных публикаций Киева на эти темы можно отметить разве что несколько статей в журнале «Национальный интерес» (2005 г.), авторы которых пытались классифицировать позиции основных политических групп страны по вопросам энергетического транзита и торговли газом⁶

С некоторой долей обобщения можно констатировать, что в политической сфере Украины более или менее четкое выражение нашли три основные позиции: неоконсервативная, либеральная и административно-регуляторная.

Неоконсервативный подход был представлен бывшим премьер-министром Ю. Тимошенко и ее сторонниками. Он заключался в максимальной либерализации торговли нефтью и газом, предоставлении компаниям-потребителям права диктовать цены при торговле газом, а также в преобразовании консорциума по управлению газотранспортной системой Украины в прототип первой в Европе биржи фьючерсных и спотовых контрактов. Прямое присутствие России на рынке газа ЕС рассматривалось как негативный фактор, угрожающий стабильности и безопасности данной структуры. Впрочем, находясь в оппозиции, Ю. Тимошенко с готовностью поддержала предложение Госдепарта-

⁶ См.: Старостин А. Уход от «нефтяной финляндизации» // *Национальный интерес*, 2005, № 1. С. 33—35; Гусак Л. Газовый баланс Украины-2006 — прогноз // *Национальный интерес*, 2005, № 4. С. 35—40; Старостин А. Юрий Бойко: возврат эпохи газовой поляризации // *Национальный интерес*, 2005, № 4. С. 46—49.

мента США содействовать Украине в том случае, если ее правительство потребует отмены блока соглашений с РФ по газу, заключенных 4 января 2006 года.

Либеральный подход был более или менее характерен для правительства Ю. Еханурова, признававшего привязку цены на газ к топливно-энергетическому эквиваленту. В связи с этим газ не рассматривался как биржевой товар, поскольку монопольный статус продавца предоставляет ему возможность коррелировать цены на голубое топливо в соответствии с котировками нефти. Признавалось, что транзит газа по территории Украины должен оставаться государственной монополией. Что касается газотранспортного консорциума, то правительство Ю. Еханурова считало желательным привлечь к участию в нем Германию и Туркменистан, однако не сумело четко сформулировать свои предложения.

Административно-регуляторный подход к данным вопросам, который сторонники первых двух направлений считали пророссийским и компрадорским, был в целом характерен для первого правительства В. Януковича (ноябрь 2003 — январь 2005 г.). Важными элементами этой позиции были установка на поиск приемлемых компромиссов с российской стороной и долгосрочное закрепление роли Киева как лояльного «Газпрому» и «Роснефти» транзитера. Такая линия обеспечивала благоприятные ценовые условия, закреплявшиеся в форме долгосрочных межправительственных соглашений, а также оплаты транзитных услуг прямыми поставками газа по фиксированным ценам. В то же время признавалось, что Украина должна проводить максимально автономную политику в обеспечении собственного потребления газа и диверсифицировать (насколько это возможно) поставки энергоносителей из Туркменистана, Узбекистана и Азербайджана. Прилагались определенные усилия довести до стадии практического использования нефтепровод Одесса — Броды, продолжив его до Плоцка и Гданьска. Представителями такого подхода были нынешний министр топлива и энергетики Ю. Бойко, а также руководство Украинского союза промышленников и предпринимателей, в частности А. Кинах, занимавший пост премьер-министра (2002—2004 г.) и секретаря Совета национальной безопасности и обороны (сентябрь 2005 — июнь 2006 г.).

Что же касается прямых последствий, то конфликт трех перечисленных выше направлений, наблюдавшийся в последние несколько лет, оказался весьма разрушительным. Предпринятая в 2005 году неуклюжая попытка пересмотреть украинско-российские соглашения по транзиту газа привела к тому, что «Газпром» монополизировал поставки из стран Центральной Азии, а украинская экономика оказалась перед угрозой нового ценового шока и весьма вероятных социальных волнений. Эти факторы, отражавшие воздействие «большой политики», самым непосредственным образом повлияли на итоги парламентских выборов в стране и раскол находившейся у власти «оранжевой коалиции».

В 2005—2006 годах внешнеполитический курс Киева сводился к попытке решить определенные задачи, включая немедленный и полный отказ от тактики маневрирования, характерной для президентства Л. Кучмы. Однако лидеры пришедшей к власти «оранжевой коалиции» не смогли обеспечить решение поставленных задач ни на одном из главных направлений. На фоне риторики о готовности немедленно подать заявку на членство в ЕС правительства Ю. Тимошенко и Ю. Еханурова планомерно «жгли мосты» на востоке. Объявленное намерение отказаться от внеблокового статуса Украины привело к системному обострению отношений с Россией. В этих условиях предложение Киева пересмотреть соглашения по транзиту газа по территории Украины Москва оценила как явный блеф, позволяющий отказаться от соблюдения прежних договоренностей.

В 2005 году планы и намерения украинских правительственных структур редко оглашались комплексно и публично. По отдельным же заявлениям высших должностных лиц

можно сделать вывод, что странам ЕС предлагалась новая концепция использования украинского газотранспортного консорциума (или же его ликвидация и создание нового проекта, но уже в форме противодействия энергетической стратегии РФ). Правительство Ю. Тимошенко выдвигало план образования альтернативной компании («торгового дома»), ведущей самостоятельные закупки и транзит центральноазиатского газа в государства ЕС. По крайней мере, в начале года такие предложения были сделаны Польше и Германии. Киев вел переговоры о новых схемах регулирования транзита газа без предварительного согласования с Москвой, угрожая «Газпрому» формированием альянса покупателей и транзитеров (с участием ЕС, Украины и Польши), намеренных диктовать ценовую политику.

Правительство Ю. Тимошенко выдвинуло ультимативное требование исключить из схемы транзита туркменского газа компанию-посредника «RosUkrEnergo A.G.», обеспечивавшую по соглашениям 2003—2004 годов транзит голубого топлива из Туркменистана, объемы поставок которого в Украину между 2007 и 2028 годом планировалось увеличить до 60 млрд куб. м в год.

Заявления руководства государственной компании «Нефтегаз Украины» также отражали намерение создать альянс из «транзитных» стран — потребителей газа. Предполагалось расширить формат бездействовавшего украинско-российского газотранспортного консорциума за счет европейских фирм, в первую очередь германских, а также привлечь к участию в этой новой структуре государственные нефтегазовые компании республик Центральной Азии. В ходе визита В. Ющенко в Туркменистан (22—23 марта 2005 г.) Киев предложил создать консорциум с участием Украины, Туркменистана, России и Казахстана для совместного экспорта центральноазиатского газа в Европу.

Таким образом, в рамках поддерживаемой В. Ющенко идеи «трехсторонней модели сотрудничества» с участием России (как производителя газа), Украины (как транзитера) и ЕС (как потребителя) были предложены минимум два проекта, ориентированных на покупателей и производителей энергоресурсов. Центральноазиатский консорциум предлагался для постройки газопровода и транспортировки газа из Туркменистана вдоль побережья Каспия. Уже согласованный маршрут Александров Гай — Новопсков — Ужгород становился его продолжением. Следовательно, партнером «азиатского консорциума» должен был стать «европейский консорциум» (с участием Украины, России, а также Германии и с проектируемой веткой газопровода Новопсков — Ужгород), но при существенном снижении в этой новой многосторонней системе роли «Газпрома».

Согласно неподтвержденным данным, уже в ходе «газового конфликта» с Москвой Киев высказывал позитивное отношение к строительству газопроводов из Центральной Азии и Азербайджана в Европу в обход России по маршруту Азербайджан — Грузия — Турция — Европа, а энергетические ведомства ЕС вроде бы обещали содействовать финансированию достройки ответвлений этой магистрали в Молдову и Украину⁷. Однако, учитывая неопределенность даже относительно перспектив нефтепровода Одесса — Броды, который изначально имеет явно европейскую «направленность» и формально поддерживается, по крайней мере, с 2003 года Европейской комиссией, представляется сомнительным, что реализация южного маршрута может оказать положительное влияние на перспективы энергетической безопасности Украины, особенно с учетом гарантированного сокращения транзита по ее территории.

Осенью украинско-российский энергетический конфликт развивался по нарастающей, хотя в ходе состоявшихся в августе переговоров министра топлива и энергетики И. Плячкова с российским министром промышленности и энергетики В. Христенко

⁷ См.: Геоэкономические итоги «большой газовой войны». Меморандум Института национальной стратегии, 21 февраля 2006 [<http://www.lenta.ru/articles/2006/02/20/memorandum/>].

украинская делегация согласилась с поэтапным повышением цен на российский газ (при соответствующем увеличении расценок на транзит). По сообщению пресс-службы правительства Украины, нерешенными оставались расценки на туркменский газ и стоимость его транзита по территории РФ, поскольку ставка за транзит туркменского газа по ее территории приравнивается к стоимости транспортировки через Украину⁸.

Ситуация приобрела угрожающий характер, когда после длительных переговоров и серии взаимных обвинений, а также неудачного визита премьер-министра Ю. Еханурова в Москву (декабрь) «Газпром» назвал новую цену на газ для Украины (220—230 долл. за тысячу куб. м), которую правительство Ю. Еханурова отказалось принять. Соглашение по новым условиям транзита подписано не было. 31 декабря «Нефтегаз Украины» отверг последнюю «мирную» инициативу В. Путина, предложившего подписать временное соглашение, позволявшее продолжить переговоры и откладываявшее повышение цены на голубое топливо до апреля 2006 года.

Последовавшая трехдневная «газовая война» закончилась для правительства Украины полным проигрышем. После непродолжительного конфликта Киев принял условия Москвы по абсолютному большинству спорных позиций, которые оказались для Украины существенно хуже предложений «Газпрома», выдвигавшихся летом и осенью 2005 года. Подписанное 4 января 2006 года Соглашение об урегулировании отношений в газовой сфере устанавливало цену российского газа в 230 долл. за 1 тыс. куб. м и подтверждало права «RosUkrEnergo» как эксклюзивного поставщика газа для Украины. Транзитная ставка была установлена в 1,6 долл. за тысячу куб. м, объявлена неизменной на ближайшие пять лет и не связанной с ценой газа для Украины. Однако главным в стратегическом плане результатом поражения украинской стороны была потеря контрактов с Туркменистаном, обеспечивавших альтернативный источник энергоснабжения.

Главным тактическим успехом «Газпрома» стал разрыв связи между ценой на газ для Украины и ставкой оплаты за транзит. По новому соглашению она в течение пяти лет не может пересматривать условия транзита российского газа через свою территорию. При этом нельзя упускать из виду, что отказ от бартерной схемы расчетов, позволявшей Киеву сохранять баланс поставок газа независимо от повышения или понижения цен на газ и транзит, был инициирован непосредственно украинской стороной.

С формально-правовой точки зрения ситуация выглядит весьма странной, поскольку все соглашения по газу, действовавшие до 2006 года, фактически аннулированы, хотя официального уведомления об этом не было. Согласно сообщениям украинской прессы, кроме опубликованного контракта был подписан пакет из семи документов, в основном конфиденциального характера⁹.

Оценивая действия правительств Ю. Тимошенко и Ю. Еханурова, можно сделать вывод, что они ориентировались не на максимальное использование относительных преимуществ транзитного положения Украины в целях обеспечения гарантированных поставок газа для своей страны, а предприняли неудачную попытку использовать ее статус главного транзитера российского газа для реформирования всей системы европейской энергетической торговли, что было Украине явно не под силу и к чему европейские партнеры попросту не были готовы. Попытки Киева начать зимой 2006 года самостоятельную игру на европейском энергетическом рынке привели к распаду действовавшей системы энергоснабжения Украины и крупным экономическим потерям.

⁸ См.: Украина неожиданно согласилась с поэтапным повышением цен на российский газ, 23 августа 2005 [<http://www.korrespondent.net/main/128909>].

⁹ См.: Мостовая Ю., Еременко А. Совершите вы массу открытий (иногда не желая того) // Зеркало недели, 4—10 февраля 2006, № 4 (583); «Нафтогаз» подписал в Москве семь соглашений с «RosUkrEnergo» и «Газпромом», а не одно. Как оказалось // Интерфакс-Украина, 6 февраля 2006.

Планы создания «азиатского консорциума» и конкуренции с «Газпромом» за поставки и транзит туркменского газа потерпели фиаско. Президент Туркменистана С. Ниязов предпочел действовать, исходя из интересов политической стабильности своего режима. Долги «Нефтегаза Украины» за туркменский газ стали поводом для полного прекращения альтернативных российских поставок газа в Украину с начала 2006 года. При этом Ашхабад сумел договориться с «Газпромом» о повышении цены на газ (до 65 долл., а с начала 2007 г. — до 100 долл. за 1 тыс. куб. м).

Страны ЕС, в ходе январской «газовой войны» выразившие острое беспокойство по поводу происходящего, отказались от предложений Киева и Кишинева вмешаться в украинско-российский спор и потребовать от «Газпрома» заморозить цены в расчетах с Украиной. Наиболее четко свой отказ сформулировали официальные представители Франции и Германии, Австрия высказалась против вмешательства в украинско-российский спор, а Польша промолчала. Что касается Италии, то ее правительство прямо обвинило Украину в незаконном «отборе» газа, предназначенного для государств ЕС.

Администрация Белого дома предпринимала определенные шаги, имевшие целью взять украинско-российский «газовый спор» под свой контроль. В январе 2006 года Госсекретарь США К. Райс, хотя и с некоторым запозданием, заявила о поддержке Украины в «газовом конфликте». Как следовало из ее комментариев, Госдепартамент ожидал от Киева более упорного и длительного сопротивления, предполагая подключить к кампании против «Газпрома» Молдову, Румынию, Болгарию и Турцию. Однако эта инициатива не получила серьезной поддержки¹⁰.

Вплоть до формирования правительства В. Януковича (август 2006 г.) проблема пересмотра украинско-российских соглашений от 4 января продолжала оставаться в «подвешенном» состоянии. Вашингтон неоднократно выражал готовность поддержать Киев, если он решится пересмотреть упомянутые договоренности. Ставка делалась на то, что в случае назначения премьер-министром Ю. Тимошенко она поставит вопрос об отмене соглашений с Москвой, что, по словам американских дипломатов, лучше сделать летом, а не зимой. В контексте назревавшей новой «холодной войны» между США и РФ реанимация украинско-российского «газового конфликта» могла обеспечить соответствующий «аккомпанемент» на саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге, посвященном вопросам энергетической безопасности (июль 2006 г.). Предполагалось, что накануне этого саммита Соединенные Штаты окажут давление на руководство России и заставят его отказаться от предложенной «Газпромом» схемы долгосрочных двусторонних договоров с распределительными компаниями ЕС.

Примечателен и внутривнутриполитический контекст американских предложений, поскольку президент Украины В. Ющенко публично поддержал достигнутый компромисс. Таким образом, в случае его пересмотра позиции Ю. Тимошенко в украинской политике существенно усиливались, позволяя добиваться отмены конституционных поправок и открывая ей путь к президентскому креслу. Любопытно, что в пользу привлечения США к контролю над украинской газотранспортной системой высказывались и представители команды В. Ющенко, например бывший министр экономики А. Яценюк¹¹.

Что касается правительства В. Януковича, то уже в одном из первых заявлений премьер-министра было сказано, что его кабинет не собирается пересматривать газовые соглашения с Россией, но будет добиваться достижения договоренностей на межгосударственном уровне, как это было до 2005 года¹². Это правительство считало урегулирование

¹⁰ См.: Коммерсантъ, 29 мая 2006, № 94.

¹¹ См.: Украина хочет привлечь США в партнеры по газу, 2 августа 2006 [<http://www.oilru.com/news/32766/>].

¹² См.: Новый премьер-министр Украины Виктор Янукович заявил, что не собирается пересматривать газовые соглашения с Россией, 11 августа 2006 [<http://www.oilru.com/news/32915/>].

отношений с Москвой своей приоритетной задачей. Не подвергая сомнению неизменность европейского курса, акцент был сделан на максимальное использование транзитного потенциала Украины, которому в последнее время угрожала девальвация (в том числе из-за прокладки РФ новых магистралей по дну Балтийского и Черного морей, а также через территорию Беларуси). Существенные усилия предпринимались и для загрузки национальных транзитных нефтепроводов, которые использовались меньше чем на 50% мощности.

Смысл этой политики определялся как формирование отношений стратегического партнерства между «Газпромом» и «Нефтегазом Украины». При этом последний остается украинской государственной компанией, отвечающей за европейский транзит, но утрачивает роль главного газотрейдера на внутреннем рынке. Разумеется, в этих условиях любые перебои в поставках, даже сама постановка вопроса о сокращении поставок голубого топлива для стран ЕС, губительны, поскольку ухудшают деловую репутацию и Кабинета министров, и «Нефтегаза Украины». С другой стороны, правительство В. Януковича подтвердило важность сохранения в государственной собственности существующих транзитных газопроводов, которые при грамотном менеджменте вполне могут поддерживаться в надежном техническом состоянии и обслуживаться государственной монополией.

При этом энергетический директорат ЕС будет иметь прямой доступ к информации о сроках и объемах транзита через территорию Украины. Меморандум «О взаимопонимании относительно сотрудничества в области энергетики», подписанный в Брюсселе между Киевом и ЕС (14 сентября 2006 г.) предусматривает установку на газопроводах на границах Украины измерительного оборудования, обеспечивающего учет транзита нефти и газа. Европейская комиссия, финансирующая этот проект, получит возможность контролировать объемы транзита газа через Украину (на «входе» и «выходе»). Еврокомиссар Б. Ферреро-Вальднер охарактеризовала подписание упомянутого документа как очень конкретный шаг для повышения транспарентности, надежности и безопасности поставок энергоносителей и их транзита в ЕС.

Что касается навязанной российским «Газпромом» компании-посредника «RosUkrEnergy», то, согласно информации источников в правительстве РФ, в ходе своего первого визита в Москву В. Янукович просил президента России В. Путина и премьер-министра страны М. Фрадкова вывести RUE из схемы поставок, заменив ее «Газпромом» или совместным предприятием с участием «Нефтегаза Украины». Тем не менее Москва не согласилась на такую замену, что объяснила следующим образом: «Для нас принципиально, чтобы «Газпром» никогда больше не продавал газ Киеву напрямую и не увязал в спорах о цене. Кроме того, на RUE замкнуто много контрактов, и на перерегистрацию их на другого трейдера нет времени»¹³.

Интересы и противоречия сторон

Международная дискуссия по проблемам поставок российского газа и обеспечения гарантий их стабильности резко активизировалась в начале 2006 года под непосредственным влиянием украинско-российского «газового спора». Оставляя в стороне сугубо полемические и спекулятивные тезисы, отметим, что со стороны ЕС было выражено неподдельное беспокойство по поводу трех принципиальных аспектов:

¹³ Беккер А, Ивженко Т. «RosUkrEnergy» потерпит убытки в политических целях // Ведомости, 28 сентября 2006.

- 1) стабильности поставок в Европу, поскольку сближение РФ и КНР создает угрозу переориентации российских энергоресурсов на Восток;
- 2) монопольного диктата высоких цен на газ в связи с установлением Москвой контроля над трубопроводной системой Центральной Азии;
- 3) расширения участия «Газпрома» в собственности европейских газораспределительных и других компаний, в которые начал проникать российский капитал, «разбухший» на высоких экспортных ценах на нефть и газ.

Европейские эксперты и политики высказывали опасения по поводу того, что финансово-экономическое усиление России может в перспективе привести к увеличению ее политического влияния, а это повлечет за собой ослабление традиций атлантической солидарности. Европейская комиссия предложила заключить рамочное соглашение ЕС — РФ, согласно которому «Газпром» мог бы продавать газ лишь на границах Евросоюза, а газовые компании ЕС свободно распределять его на рынках Европы без территориальных ограничений. Однако в ходе саммита Россия — ЕС (май 2006 г.) Европейская комиссия существенно смягчила свои требования. А Москва, со своей стороны, декларировала гарантии бесперебойного энергоснабжения ЕС на длительную перспективу, но продемонстрировала неуступчивость в вопросах свободы инвестиций и передвижения капиталов, потребовав отмены дискриминационных ограничений.

Вслед за этим РФ предусмотрела защитные меры, направленные на монополизацию транзита. Так, 5 июля 2006 года Госдума приняла закон «Об экспорте газа», предоставив «Газпрому» (как организации-собственнику) и его дочерним компаниям эксклюзивные права на использование газотранспортных магистралей. Иными словами, если раньше требования о реорганизации внутреннего российского рынка выдвигал Евросоюз, то теперь правительство России сделало ставку на восстановление максимально полного контроля над российским сектором добычи и транспортировки газа. Принятие этого закона однозначно отвергает положения Европейской энергетической хартии, предусматривающие свободное использование транспортных магистралей на контрактной основе, и представляет собой попытку установить монополию «Газпрома» на транспортировку центральноазиатского газа в Европу. Любопытно, что другой изначальной целью данного законопроекта было намерение «исключить конкуренцию российских поставщиков за рубежом, которая может привести к значительному снижению экспортных цен на газ»¹⁴.

Жесткие и прямолинейные действия правительства РФ, демонстрирующего намерения ограничить интересы иностранных инвесторов (наряду с очевидным влиянием Кремля на политику «Газпрома» и других российских государственных монополий), подталкивают Европейскую комиссию к поиску альтернативных вариантов поставок нефти и газа, в разработке и организации которых США намного опередили ЕС. По крайней мере, первые американские проекты в Азербайджане и Турции уже реализуются, а обсуждавшийся в ЕС газопровод «НАБУККО» (из Ирана и республик Центральной Азии через Турцию в Южную Европу) еще не прошел стадию технической экспертизы.

Что касается Вашингтона, то, разумеется, его вмешательство в российско-европейскую «газовую» полемику отнюдь не бескорыстно. Учитывая негативные симптомы, вызванные украинско-российской «газовой войной», а также ухудшение имиджа Москвы в Европе, администрация Дж. Буша (в противовес российским планам диверсификации газопроводов в Балтийском бассейне) планомерно продвигала проект развития газотранспортной сети на Южном Кавказе. Каспийская стратегия США предполагает при-

¹⁴ Монополия на экспорт газа: открытого конфликта не получилось, 5 июля 2006 [<http://www.news.central.kz/archive/hind.chem.oilgas/200607/06023144.text>].

вязку стран Центральной Азии к турецкому маршруту транзита (в противовес российскому направлению). Согласно этой стратегии уже предложена трасса в обход Ирана — через территории Азербайджана, Грузии и Турции.

В рамках южного направления приоритетное значение придается нефтяному транзиту. Вслед за официальным открытием нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан, Казахстан и Азербайджан (после серии длительных переговоров) 16 июня 2006 года достигли соглашения о транспортировке казахстанской нефти через Каспийское море. Предполагается, что закачка нефти РК в данный трубопровод сделает этот проект рентабельным.

Что касается транзита газа, то ввод в эксплуатацию Южно-Кавказского трубопровода Баку — Тбилиси — Эрзерум (2006 г.) пока имеет локальное значение: эта магистраль, идущая параллельно с нефтепроводом Баку — Тбилиси — Джейхан, обеспечит возможность поставок газа в Грузию без привлечения ресурсов из Ирана. Трудно представить, что без гарантий альтернативного снабжения голубым топливом из Азербайджана Тбилиси пошел бы на системный разрыв отношений с Москвой.

В заявлении от 22 июня 2006 года Госдепартамент США охарактеризовал пуск Южно-Кавказского газопровода как событие «стратегической важности», материализующее связи Востока и Запада. Под этим подразумевалось, что новая магистраль обуславливает возможность поставок газа из Азербайджана в Грецию, Италию и страны Дунайского бассейна. Заместитель помощника Госсекретаря Соединенных Штатов М. Брайза, координирующий энергетическую политику США в государствах Юго-Восточной Европы и Черноморско-Каспийского бассейна, подчеркивал, что новые трубопроводы из бассейна Каспийского моря могут диверсифицировать рынки энергоносителей Европы и обеспечить более стабильные поставки нефти и природного газа¹⁵.

К проекту магистрали через Турцию, который пользуется поддержкой вице-президента США Д. Чейни и рассматривается в контексте геополитического «сдерживания» России, проявили интерес крупные энергетические концерны, включая «Тексако» и «Шеврон», намеренные вложить в постройку газопровода по меньшей мере 5 млрд долл.¹⁶ Эту трассу предлагается провести по территориям государств, с которыми Соединенные Штаты поддерживают союзнические отношения (с максимальным привлечением к поддержке проекта всех заинтересованных сторон). По крайней мере, в ходе предварительных консультаций высказывались предположения о создании мощностей по производству в районе грузинских портов Батуми и Потти сжиженного газа с последующей его транспортировкой по Черному морю и через территорию Украины.

Важной тактической целью США, Польши и стран Балтии остается противодействие строительству по дну Балтийского моря Североевропейского газопровода, сулящего Германии эксклюзивный и независимый источник энергоснабжения. До сих пор эту задачу решали в контексте дискредитации РФ, а также обвинений ее руководства в гегемонизме и имперских амбициях, тем более что Москва неоднократно давала для этого поводы.

Польша и страны Балтии, недовольные прокладкой данной магистрали, стали главными критиками российской энергетической политики в рамках ЕС. Президент Польши Л. Качиньский (вероятно, самый «проамериканский» из лидеров государств ЕС) предложил концепцию создания Европейского энергетического союза (т.н. «Энергетического НАТО») в целях нейтрализации самостоятельной политики энергоснабжения отдельных

¹⁵ См.: Мэтью Брайза: Трубопроводы BTC и SCP создают инфраструктуру нового поколения для экспорта углеводородов из Азербайджана // ИА Тренд, 5 июля 2006 [<http://www.news.central.kz/archive/hind.chem.oilgas/200607/06023144.text>].

¹⁶ См.: Bielecki J., Przybylski J. Gazociąg z Azji za tarczę? // Rzeczpospolita, 4 сентября 2006.

стран (ФРГ, Франции, Италии) и расширения участия энергетических компаний США в энергоснабжении государств ЕС. Это предложение предусматривало скоординированную энергетическую политику стран-участников. В случае возникновения проблем с поставками энергоресурсов в одно из государств планировалось задействовать принцип солидарной ответственности (оказание помощи другими участниками Евросоюза). Однако, несмотря на одобрение основных ориентиров общей Европейской энергетической стратегии (8 марта 2006 г.), Еврокомиссия пришла к выводу, что на сегодня полностью интегрированная энергетическая политика невозможна. Существенные различия в позициях стран ЕС по вопросам энергетической стратегии касаются возможных путей диверсификации.

Заинтересованность Варшавы в сокращении зависимости от российских поставок энергоносителей, а также неготовность ЕС к формированию солидарной позиции привели к тому, что энергетическая проблематика стала одной из главных тем в ходе визита в США премьер-министра Польши Я. Качиньского (сентябрь 2006 г.). Обещая поддержку намерений Вашингтона развивать транзит газа через Турцию, правительство Польши добивалось значительного финансирования в связи с развертыванием на своей территории американской базы противоракетной обороны.

В предложениях Белого дома по вопросам регулирования и контроля энергетических поставок заметно желание приобрести долгосрочные рычаги влияния на европейскую экономику, позволяющие управлять потоками энергоресурсов, моделировать искусственные кризисы и опосредованно влиять на курс евро. В подтексте этой инициативы присутствует намерение ослабить стратегическую связку ЕС — РФ, которая в перспективе сможет воздействовать на формирование общей внешней политики и международное позиционирование Евросоюза.

Пока европейские лидеры пытаются лавировать, с настороженностью воспринимая экспансию «Газпрома» и намерения США обеспечивать энергетическую безопасность Европы. Вопросы собственности и контроля остаются важными обстоятельствами, стимулирующими поиск дополнительных вариантов диверсификации. Так, в марте 2006 года был представлен альтернативный проект газопровода стоимостью 2 млрд долл., соединяющего государства Каспия и страны Центральной Европы, в связи с чем создан международный консорциум, в который вошли пять европейских компаний. Недостающий участок магистрали (длиной около 1 тыс. км), соединяющий Грузию и Украину, предполагается проложить по дну Черного моря¹⁷.

Но даже если предлагаемая Соединенными Штатами магистраль Иран — Турция — Балканы — Западная Европа или же ее европейский аналог будут построены, то без привлечения основных объемов иранских запасов газа они не смогут существенно снизить долю России в энергоснабжении Европейского союза. Планы ЕС диверсифицировать поставки газа (включая строительство трубопроводов из Азии) в обозримом будущем вряд ли создадут реальную альтернативу российским поставкам: РФ остается важнейшим, хотя и не монопольным, поставщиком. В силу этого страны «старой Европы» склонны продолжать диалог с Москвой, убеждая российское правительство найти приемлемую форму присоединения к Европейской энергетической хартии, что позволило бы европейским и американским компаниям конкурировать за доступ к энергоресурсам государств Центральной Азии, вытесняя из этого региона «Газпром» и препятствуя проникновению в него Китая.

При разрешении данной проблемы необходимо учитывать как минимум два фактора: привлечение к европейской энергетической политике Украины (основного транзите-

¹⁷ См.: Украина, Грузия и ЕС хотят построить газопровод за 2 млрд долл., 17 марта 2006 [<http://www.korrespondent.net/main/148306>].

ра, обеспечивающего поставки более 85% российского и центральноазиатского газа); разблокирование монопольного статуса «Газпрома» в отношении транзита по среднеазиатским магистралям.

Примечательно, что и правительство В. Януковича не прочь принять определенное участие в «игре», инициируемой ЕС (по крайней мере, если она не будет угрожать базовым экономическим интересам). После переговоров в Киеве (6 октября 2006 г.) с генеральным секретарем Энергетической хартии Андре Мернье, в тот же день министр топлива и энергетики страны Юрий Бойко заявил, что, поскольку Украина погасила задолженность перед Туркменистаном и подписала контракты с Узбекистаном, Казахстаном и Туркменистаном на поставку 58 млрд куб. м газа, она не намерена закупать в 2007 году российский газ¹⁸. Иными словами, правительство будет стараться максимально использовать транзитный потенциал Украины, гарантируя поставки в государства ЕС и предпочитая, насколько это возможно, вернуться к схеме отдельных договоров со странами Центральной Азии, как практиковалось в 2000—2005 годах. Что касается применения условий Энергетической хартии, то Киеву формально выгодны положения, обеспечивающие свободу энергетического транзита по магистральным трубопроводам, а также механизмы, регулирующие разрешение споров.

В то же время, учитывая более низкий по сравнению со странами-соседями уровень цен на импортируемый в Украину газ, экономическая уязвимость последней может увеличиться — как при поражении России в конфликте с США и ЕС за контроль над энергетическими ресурсами республик Центральной Азии, так и в случае, если внешний контроль над использованием этих ресурсов будут осуществлять РФ и КНР. Исходя из нынешнего состояния украинской экономики, можно сказать, что и конкурентные факторы на рынке голубого топлива представляют существенный риск. Если бы Москва разрешила «свободный транзит» газа по своим трубопроводам, то это предоставило бы европейским и американским компаниям возможность прямых закупок в государствах Центральной Азии по ценам, превышающим финансовые возможности Киева. Стоимость центральноазиатского газа также возрастет и приблизится к паритету с ценой российских поставок и стоимостью газа, поставляемого в ЕС из стран Северной Африки. В этом случае нетрудно предположить, что украинские компании вряд ли смогли бы выдержать конкуренцию со стороны европейских газотрейдеров. Более вероятно, что ввиду финансовых трудностей и общего дефицита энергоресурсов украинские компании попросту не смогли бы законтрактовать объемы, необходимые для промышленности страны. Некоторое возможное увеличение поступлений за транзит газа через Украину не будет компенсировать общего ухудшения ценового баланса.

Как представляется, в случае присоединения РФ к Энергетической хартии европейские компании могли бы добиться некоторого снижения цен на газ из России и Туркменистана или (по меньшей мере) сдержать их рост. Однако не исключено, что приход на рынок компаний США, проводящих собственную политику, мог бы обусловить «игру на повышение цен», в том числе ради извлечения максимальной прибыли. Другим возможным следствием прихода американских ТНК могли бы стать попытки установить контроль над газотранспортными системами таких стран-транзитеров, как Украина, Польша и Словакия. Вполне возможно, что в этом случае Европе могла бы угрожать новая, причем весьма жесткая, «газовая война», смысл которой заключался бы уже не в урегулировании противоречий между ЕС и РФ, а в перераспределении финансово-экономического контроля над ресурсами газа, а также над системой их распределения и транзита.

¹⁸ См.: Украина отказалась закупать российский газ, 6 октября 2006 [<http://www.korrespondent.net/main/166433>].

Что касается влияния России в республиках Центральной Азии, то оно остается достаточно сильным. Подписанный 21 сентября 2006 года Протокол намерений об основных принципах сотрудничества в сфере транспортировки и поставок природного газа с участием «Газпрома», государственного холдинга «Узбекнефтегаз», Министерства энергетики и минеральных ресурсов Казахстана, а также государственной компании «КазМунайГаз» предусматривает обеспечение нужд южных районов РК узбекским газом при посредничестве «Газпрома». Хотя в соглашении оговариваются выгодные для стран ЦА условия в форме взаимной компенсации, оно подтверждает главенствующую роль «Газпрома», который не намерен отказываться от контроля над газотранспортной системой региона¹⁹.

Если «Газпром» установит свой контроль над газотранспортной системой Беларуси, то позиция РФ в отношении с ЕС вряд ли станет более «гибкой». С другой стороны, ни у Евросоюза, ни у США нет средств, которые могли бы изменить политический режим России или заставить ее отказаться от попыток установить монопольный контроль над газотранспортной инфраструктурой постсоветских государств. Точно так же не имеет никакого смысла упрекать Москву в попытках создать «газовый ОПЕК», если Соединенные Штаты и Евросоюз более трех десятилетий мирились с существованием нефтяного картеля. Иными словами, если взаимоприемлемое решение возможно, то искать его все же нужно в иной плоскости.

С учетом нынешнего состояния отношений между США, ЕС и Россией потенциальны несколько сценариев развития ситуации:

1. ЕС и РФ приходят к компромиссу в отношении долгосрочных поставок газа (включая механизмы согласования цен). Евросоюз добивается от Москвы признания прав инвесторов, разрабатывающих отдельные месторождения, а также определения приемлемого режима транзита газа по территории РФ. Взамен российская сторона получает беспрепятственные возможности для инвестирования в энергораспределительные компании стран ЕС.
2. США добиваются преимущественной поддержки со стороны ЕС южного маршрута транспортировки газа в целях сдерживания России и оказания политического давления на ее правительство. При таком развитии событий вероятно усиление влияния Соединенных Штатов на Туркменистан, Узбекистан и Казахстан, в частности, чтобы не допустить поставок энергоресурсов из этих стран в Китай. При реализации данного сценария, соответствующего «каспийской стратегии» США, можно ожидать изменения политического режима в Туркменистане, дестабилизации обстановки в Узбекистане и усиления изоляции Ирана.
3. ЕС, Россия, Украина и государства Центральной Азии достигают приемлемых договоренностей, касающихся определения «правил игры» на рынке газа, а также создают механизмы, позволяющие сбалансировать их интересы. Сфера согласования на многостороннем уровне могла бы включать определение цен на газ, регулирование условий транзита, обеспечение прав собственности на трубопроводы и защиту прав инвесторов, участвующих в разработке месторождений. Средством реализации более гармоничного и недискриминационного режима отношений мог бы стать газотранспортный консорциум, в рамках которого возможно заключать соглашения картельного типа, предусматривающие согласование объемов поставок и контроль транзита по всей его территории.

¹⁹ См.: «Газпром» меняет условия поставки газа в страны СНГ, 22 сентября 2006 [http://www.ibk.ru/news/_gazprom_menyaet_usloviya_postavki_gaza_v_strani_sng-23386/].

С учетом позиции, охарактеризованной президентом России В. Путиным, полное присоединение РФ к Энергетической хартии кажется недостаточно реалистичным. В то же время существует конкретная возможность заключить дополнительное соглашение с участием ЕС, РФ и Украины, которое позволило бы ликвидировать напряженность и достичь приемлемого компромисса. Кстати, российское правительство декларирует «безальтернативность коллективных многосторонних подходов к урегулированию мировых проблем — будь то в экономике, в охране окружающей среды, социальной сфере или в мировой политике»²⁰.

В ином случае Европе придется готовиться к новому энергетическому конфликту. Его сроки и интенсивность будут зависеть от уровня энергодефицита и «тональности» отношений между США, ЕС, РФ и КНР, которые все в большей степени определяются объемами энергопотребления и мировыми ценами на энергоносители.

---

²⁰ Брифинг министра иностранных дел России Сергея Лаврова, 3 октября 2006 [<http://g8russia.ru/news/20061004/1264315.html>].